



АРМЯНСКИЕ ПРЕДАНИЯ

НАРОДНЫЙ
АРМЯНСКИЙ ФОЛЬКЛОР

aegitas

Обычаи и традиции армян всего мира

Народное творчество (Фольклор)

Армянские предания

«Aegitas»

Народное творчество (Фольклор)

Армянские предания / Народное творчество (Фольклор) —
«Aegitas», — (Обычай и традиции армян всего мира)

ISBN 978-5-00-064978-7

Часть преданий, помещенных в этой электронной книге, связана с историей христианства в Армении – первой стране, принявшей эту религию как государственную. Это предание неразрывно связано с именем и деяниями вполне исторического лица, царя Тиридата (Трдат III Великий), который из фанатически преданного язычеству деспота, поддавшись воздействию примера кротости, незлобивости и слову святого Григория и святых дев Рипсиме и Гаянэ, стал истинным христианином и законодательно ввел в стране христианство (в 301 г. н.э.). Столь же поэтично предание (и одновременно поучительная притча) об изобретателе армянского алфавита Месропе Маштоце. Эта книга обязательно найдет своего читателя. Она может стать прекрасным внеклассным чтением для детей и одновременно быть мудрой поучительной книгой для взрослых.

ISBN 978-5-00-064978-7

© Народное творчество (Фольклор)

© Aegitas

Содержание

Ахтамар	5
Братец-барашек	8
Гибель художника	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Республика Армения

Армянские предания

Ахтамар

Каждой ночью к водам Вана
Кто-то с берега идет
И без лодки, среди тумана,
Смело к острову плывет.

Он могучими плечами
Рассекает лоно вод,
Привлекаемый лучами,
Что маяк далекий шлет.

Вкруг поток, шипя, крутится,
За пловцом бежит вослед,
Но бесстрашный не боится
Ни опасностей, ни бед.

Что ему угрозы ночи,
Пена, воды, ветер, мрак?
Точно любящие очи,
Перед ним горит маяк!

* * *

Каждой ночью искры света
Манят лаской тайных чар:
Каждой ночью, тьмой одета,
Ждет его к себе Тамар.

И могучими плечами
Бороздит он лоно вод,
Привлекаемый лучами,
Что маяк далекий шлет.

Он плывет навстречу счастью,
Смело борется с волной.
А Тамар, объята страстью,
Ждет его во тьме ночной.

Не напрасны ожидания...
Ближе, ближе... вот и он!

Миг блаженства! Миг свиданья!
Сладких таинств райский сон!

Тихо. Только воды плещут,
Только, полны чистых чар,
Звезды ропщут и трепещут
За бесстыдную Тамар.

И опять к пучинам Вана
Кто-то с берега идет.
И без лодки, средь тумана,
Вдаль от острова плывет.

И со страхом остается
Над водой Тамар одна,
Смотрит, слушает, как бьется
Разъяренная волна.

Завтра – снова ожиданья,
Так же искрится маяк,
Тот же чудный миг свиданья,
Те же ласки, тот же мрак.

Но разведал враг жестокий
Тайну любящих сердец:
Был погашен свет далекий,
Тьмой застигнут был пловец.

Растоптали люди злые
Ярко блещущий костер,
Небеса молчат ночные,
Тщетно света ищет взор.

Не заискрится, как прежде,
Маяка привет родной, -
И в обманчивой надежде
Бьется, бьется он с волной.

Ветер шепчет непонятно,
Над водой клубится пар, -
И вздыхает еле внятно
Слабый возглас: "Ах, Тамар!"

Звуки плача, звуки смеха...
Волны ластятся к скале,
И, как гаснущее эхо,
"Ах, Тамар!" звучит во мгле.

На рассвете встали волны

И примчали бледный труп,
И застыл упрек безмолвный:
"Ах, Тамар!" среди мертвых губ.

С той поры минули годы,
Остров полон прежних чар,
Мрачно смотрит он на воды
И зовется Ахтамар.

Братец-барашек

Двое сирот
Идут вперёд.
Дорога в зной нелегка..
Жара палит,
И пыль пылит.
Ни речки, ни родника...

Сестра Мануш постарше была,
Крепилась она в пути.
Она бы жажду перенесла,
Но братец не мог снести.

Идут, идут и видят они
Глубокий след, в нём стоит вода.
Сестричка-джан, мне так хочется пить!
Ты дашь попить мне, сестричка, да?

Нет, братец-джан, то коровий след -
Напьёшься и станешь коровой вмиг.
Потерпим немножко. Ещё чуть-чуть:
Сейчас студёный найдём родник.

Двое сирот
Идут вперёд.
Дорога так далека...
И зной палит,
И пыль пылит.
Ни речки, ни родника...

Идут, идут и видят они
След от копыта, а в нём вода.
Сестричка-джан, мне так хочется пить!
Ты дашь попить мне, сестричка, да?

Нет, братец-джан, это конский след -
Напьёшься и станешь лошадкой вмиг.
Потерпим немножко. Ещё чуть-чуть.
Сейчас, сейчас мы встретим родник.

Двое сирот
Идут вперёд.
Дорога так далека...
И зной палит,
И пыль пылит.
Ни речки, ни родника...

Идут, идут и видят они -
Следок небольшой наполнен водой.
И братец не может дольше терпеть:
Тайком зачерпнул он воды рукой.

Сестра обернулась: где же брат?.
Барашек маленький сзади идёт.
Барашек жалобным взором глядит
И, грустно бляя, бежит вперёд...

Бедняжка Мануш! Что делать ей?
Ломает руки она в слезах.
А братец-барашек бежит за ней.
Испуг и горе в его глазах.

Двое сирот
Идут вперёд.
Мануш с барашком вдвоём
В слезах идут...
Как грустно тут,
В безвестном краю чужом!

Идут. Их голод и зной томят.
Идут, не зная куда...
И вдруг – деревья листвой шумят,
Родник, и звенит вода.

Пьют вдоволь сироты, к воде припав.
Потом на дерево влезла сестра,
А братец отведал душистых трав.
Лужайка от ярких цветов пестра.

Но вдруг – и топот, и ржанье, и смех
В лесу вечером, что тих был и пуст.
И звуки всё ближе, и в звуках тех
И песня, и хохот, и веток хруст.

И вот, золотой уздечкой звеня,
Подводят слуги коня к воде.
Но что в роднике пугает коня?
Он встал на дыбы, словно быть беде.

Взглянули слуги, а в роднике
Лицо прекрасное отражено.
Промчится ветер невдалеке,
И зыблется в струйках воды оно.

Наверх взглянули они, а там

Красавица, светлая, как заря.
Сидит она, прижавшись к ветвям,
И смотрит, ни слова не говоря.

Каких только нет на земле чудес!
Дивятся все в глубине души:
Как диво такое попало в лес,
На дереве диком сидит в тиши?

Кто ты? Виденье иль человек?
Если виденье, сгинь, пропади.
А человек – так с ветвей сойди,
Лучший найдём для тебя ночлег.

Кто ты? Откуда? Нам невдомёк,
Как очутилась ты среди нас.
Что за горе тебя, дружок,
В лес привело в этот поздний час?

Горе сиротства нас привело
В эту лесную глушь, -
С дерева отвечает им
Скромная наша Мануш.
– Нет у нас крова, нет родных
В огромном мире земном.
Ночь подходит. Страшно одним
Во мраке ночном лесном.

Горят во дворце алмазы, янтарь...
Приводят сироток в царский покой.
Красавица, кто ты? – воскликнул царь.
Зачем барашек безмолвный с тобой?

И вот Мануш рассказала о том,
Что было рассказано мной в стихах.
Да здравствует царь на троне своём,
Пусть он разберётся в наших делах.

Царь выслушал грустную повесть сирот.
Приятна Мануш для его очей.
И в жёны себе он её берёт.
Семь дней он пирует и семь ночей.

Забыла Мануш о тяжёлых днях,
Не знает отказа она ни в чём.
А братец-барашек в густых садах
Пасётся, довольный своим житьём.

Жила во дворце, завистлива, зла,

Старуха-служанка. Злодейку ту
Однажды чёрная зависть взяла,
Что любят все девочку-сироту.

И входит старуха, злобу тая,
В покои к царице – и льстиво ей:
Пойдём-ка, царица, краса моя,
Сведу я купаться тебя скорей!

И вот, обольстивши, ведёт к воде,
Бросает в озёрную глубину,
А дочь, в одежду Мануш одев,
К царю посылает, словно жену.

Лица не видать под тканью густой.
Обманщица входит в царский дворец.
Властитель считает её женой,
Она надевает царский венец.

Но что это случилось с барашком вдруг?
Никак не заманишь его домой.
По берегу, блея, сделает круг -
И снова бежит на берег другой.

Что делать с барашком?
Нейдёт он прочь.
Подумав, решила старуха-мать:
Пусть притворится больною дочь.
И уложила её в кровать.

Несут ей яства – и это и то,
И просят-молят немного съесть.
Не смотрит притворщица ни на что
И просит мяса барашка принести.

Мануш, Мануш, но ведь это твой брат!
Ужели же сестры братьев едят?!
Обманщица дальше ведёт игру:
Подайте мне то, что велю, сейчас!
Кричит: "Погибаю!" Кричит: "Умру!"
И царь издаёт ужасный приказ:
Костры разложить,
Ножи наточить,
Барашка убить
И мяса подать
Царице в кровать,
Чтоб ей не хворать.

Издав он приказ и с тайной тоской,

И с тайной тоской бродил над водой,
И думал он грустно: "Ну как могла
Мануш его милая быть так зла?"

И плачут скалы, что вокруг стоят.
И блеет и плачет барашек-брат,
И мечется, бедный, над бережком
И человеческим кричит языком:

Сестричка-джан! Сестричка-джан!
Разводят костры,
Разводят костры!
Ножи уж остры!
Сестричка-джан! Сестричка-джан!
Услышь ты меня,
Спаси от огня!

И слышит царь, удивления полн, -
Доносится голос из синих волн.
Знакомый голос и смутен и глух,
Взывает и нежно терзает слух:
Братец-джан! Братец-джан!
Бездомный ты мой,
Сестры нет с тобой,
Барашек мой, джан!
Томлюсь я на дне,
Во тьме, в глубине.
Не видно мне дня,
Не слышно меня.
Обманщица зла!
Ужасен обман!
Погибель пришла,
Барашек мой, джан!

Услышал царь – и скорей домой.
Покровы с царицы срывает он,
Срывает и видит – о, боже мой,
Кто сел обманом на царский трон?
Сюда, рыбаки, свой невод скорей!
Достаньте Мануш, голубку мою!
Сюда, палачи, в глубь водных зыбей
Кидайте старуху и дочь-змею!

Разгневался царь. Не уймёшь никак...
За ним возмущённый гудит народ.
Бросает в озеро невод рыбак -
Мануш достают из глубоких вод.

Мануш достают и на трон несут.

Но кто это рядом стоит, пригож?
То братец сбросил шкурку и тут
Совсем на барашка стал не похож.

Барашек красавцем-юношей стал, -
Широкие плечи, разумный взор.
Не бляньем жалким раскрыл уста -
Повёл человека живой разговор.

А тех, что обманом взяли права, -
Старуху-злодейку и лгунью-дочь, -
Надев на шеи их жернова,
Бросают в озеро в ту же ночь.

Уж не грустят
Сестра и брат.
Забыли о страшном сне.
И снова мир,
И жизнь, как пир.
А зло – на озёрном дне.

Гибель художника

В одном из селений древней Армении жил странный художник по имени Мануг. Иногда красивого человека писал он уродом, а случилось, немощного изображал богатырём. Многие его не любили. И мстили, как могли: то детей его обидят, то овцу прирежут. А овца для бедняка, что для богатого – отара...

Мануг работал ожесточённо и много. Но никто не хотел покупать его картины. Чем больше он работал, тем больше беднел. Любой гончар или кузнец жил лучше художника. Мануг стал думать, что людям нужнее горшки. С недоумением спрашивала жена художника:

– За что Господь наказал меня? У других мужья, как мужья: сеют, пашут, жнут. А этот только и знает, что малевать...

Раздумья и одиночество гнали художника в горы. Однажды на скалах Мануг встретил гончара.

– Добрый свет, брат Ованес. Чего подскочил? И ты боишься?

– Ты не зверь какой, чего тебя бояться?

– Все меня избегают. Решил, что и ты...

– Люди не любят тех, кто не работает.

– Ованес, Ованес, да возвысится твой дом! Я тружусь день и ночь. Тружусь, как вол. А ты мне говоришь такие слова...

– Это не работа. Прямых ты кривишь, кривых выпрямляешь. Рисовал бы, как все.

– Как все – это проще. Труднее быть самим собой. Но не будем ссориться, брат Ованес. Ведь и ты лепишь горшки не такие, как у всех. Потому что ты художник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.